

Владимир ДАШКЕВИЧ:

Большая песня — это опера

Композитор Владимир Дашкевич — автор нескольких опер, музыки к многочисленным фильмам (среди которых — «Сентиментальный роман», «Ярославна — королева Франции», сериал «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Зимняя вишня», «Плюмбум», «Собачье сердце», «Вор», «Ворошиловский стрелок») и спектаклям. В ноябре его послужной список пополняется премьерами сразу двух произведений — музыкального спектакля «Пир во время чумы» и оперы «Мертвые души».

Беседовала
Наталья Аманова

— Владимир Сергеевич, вы увлеклись музыкой в довольно зрелом возрасте, а вначале пришлось несколько лет «поинженерить». Что послужило поводом для такой метаморфозы?

— В 1938 году, когда мне было 4 года, мой отец был репрессирован и 18 лет провел в лагерях и ссылках. Жили мы с мамой весьма скромно, в коммуналке на Кропоткинской, в доме Дениса Давыдова. Когда началась война, я пережил очень сильное потрясение. Бомба попала в Вахтанговский театр, а мы в это время сидели в бомбоубежище напротив. Нас засыпало, моего дядю, который дежурил на крыше, убило, а бабушкина квартира, находившаяся рядом с театром, практически разрушилась. Мы уехали в эвакуацию в Ижевск. Там мама работала секретарем в музыкальной школе, и я попробовал заниматься музыкой. Но без инструмента мое музыкальное образование не сложилось. После возвра-

щения в Москву я окончил школу, поступил в Институт тонкой химической технологии. Получилось так, что наши соседи по коммуналной квартире как-то попросили переставить свое пианино в нашу комнату, потому что у них тоже была одна маленькая комнатуха, а дочь выходила замуж. Вот, собственно говоря, с этого момента началось мое музыкальное безумие, которое привело к тому, что меня отчислили из института. Но в это время после реабилитации вернулся мой отец и уговорил ректора дать мне возможность сдать экзамены. Институт я закончил и 6 лет проработал инженером на заводе «Вулкан». Я узнал, что при московском Союзе композиторов существует семинар самодеятельных композиторов. Мне повезло, потому что моим первым учителем по теории музыки был знаменитый позже музыковед-теоретик Филипп Гершкович, сформировавший московский композиторский авангард. В дальнейшем у него занимались Денисов, Шнитке и другие композиторы, ставшие знаменитыми. Вторым моим настав-

ником по композиции был Николай Каретников, ярчайший композитор, один из столпов нашего авангарда, написавший много замечательных произведений к фильмам, таким, как «Скверный анекдот», «Мир входящему» и другим интересным картинам.

— Как вы относитесь к тому, что сегодня классическую музыку стало модно аранжировать для дискотек?

— Я ничего не имею против дискотек. «Шерлок Холмс» в хит-параде входил в десятку в течение 7 лет. Массе классика принципиально не нужна, потому что масса — продукт человеческого зомбирования.

— Является ли, скажем, серьезная классическая музыка неким защитным слоем от подобного вторжения?

— Музыка в XX веке в целом не стала тем защитным барьером, который долгое время спасал человека от зомбирования, потому что в силу разных обстоятельств, и прежде всего засилья авангарда, который можно назвать искусством, лишенным языка, возникло новое явление — попса, которую можно назвать языком, лишенным искусства. Барьер, создаваемый искусством, сегодня не имеет защитного культурного характера. Россия является лидером в потере этого культурного слоя. Поэтому она с фантастической скоростью начала вымирать.

— Культура создает программы выживания?

— Культура создает этическую систему, защищающую человека, действительно, программы выживания. Каждое, например, музыкальное сочинение — маленькая программа выживания, которая вкладывается в подсознание. Когда рушится культурный слой, то вместо этической системы возникает этический вакуум. Что бы ни говорили, но православие обрушилось не в результате советской власти. В 1918 году, когда большевиков вообще была незначительная кучка, озверевшие мужики разрушили 80% церквей, монастырей и памятников. Их никто не посылал. Можно себе представить, чтобы, например, поляки стали разрушать свои костелы? Это невозможно. Вот это и есть этический вакуум.

— В России наблюдается массовый рост верующих. Может быть, религия заполняет сегодня этот вакуум?

— В 1988 году, по данным Госкомстата, в России было 20% верующих, а в 1991 году — уже более 60%. Сегодняшняя религиозность напоминает некое австрахование. Если есть наверху что-то, то я уже застрахован. Ну а нет — на всякий случай тоже не помешает. Это не вера. Я не вижу противоречий между всеми религиями, скажем, между конфуцианством, иудаизмом или «Махабхаратой». Они — фрагменты единой картины, которые дополняют и обогащают друг

ЕКАТЕРИНА ЦЕПКОВА

друга. Традиционные авраамические религии — иудаизм, христианство, ислам — этические системы создают, так как возникли в результате высших откровений Божественного Разума и основаны на мощном первичном историческом документе или Уставе — Ветхом Завете, Библии, Коране... Но от основных религий отпочковались так называемые интерпретированные ветви, которые по-своему комментируют эти

Уставы, не имея собственных. Они вызывают разного рода споры, возмущения, противоречия между собой и враждебность к основным конфессиям. Такие религии, естественно, этические системы не создают, а носят разрушительный характер. И если человек собирается стать религиозным, то он не может верить в какую-то часть Бога. Либо ты веришь, тогда не говори, что только в Коран, а в Библию — нет.

— Инженерные знания помогают вам в творчестве?

— Для композитора это очень важные вещи. Стравинский называл себя не композитором, а конструктором в музыке. Именно качество собирать и совмещать все данные о человеке в небольшом по времени музыкальном произведении и превращать в идеальную художественную форму, собственно, и есть наша работа. Музыка — информация о наших проблемах, и слушатель интуитивно воспринимает ее как их решение. Музыка дает человеку ощущение его места во времени, с которым он должен себя идентифицировать. А масскультура и шоу-бизнес создают табулетки, которые креслами не станут, даже если их очень хорошо отделать.

— Какую оперу вы бы хотели написать в будущем?

— Мне предложили написать музыку к «Анне Карениной». Это интересный материал.

— Сколько времени уходит на написание произведения?

— По-разному. В традиционной практике опера пишется 7–10 лет. Но поскольку у меня такого времени нет, то, когда мне все ясно, я пишу быстро, за год.

— Над телесериалами работаете?

— Я принципиально не пишу музыку к фильмам, где стреляют, убивают, поэтому ко мне, слава богу, не обращаются с такими предложениями, заранее зная, что я за это не возьмусь. Но сериалы бывают разные, которые не станут общим местом. У меня есть такие, как «Пятый ангел», «Остановка по требованию»,

«Идеальная пара». Меня также беспокоит кризис, касающийся отношений режиссеров и аудитории к музыке. Много шума, рекламы, хит-парадов, а музыки нет. На мой взгляд, вторая половина XX века для музыки чрезвычайно неудачная.

— А для эстрады вы когда-нибудь писали?

— Никогда. Есть песня маленькая или большая. Большая песня — это опера. Все остальное можно назвать как угодно. Мои друзья, композиторы Артемьев, Тухманов, Рыбников, именно сейчас проявляют большой интерес к опере. Артемьев заканчивает запись «Преступления и наказания», Тухманов пишет оперу «Екатерина II».

— Почему такие композиторы, как Рыбников, Артемьев, Гладков, Шварц, Попов, Дашкевич, не преподают в консерватории?

— Ни одного из этих композиторов сидящие наверху чиновники не допустили ни в одну нашу консерваторию как преподавателей для молодых композиторов. Это привело к тому, что наши мастера, сидящие на композиторских кафедрах, каждый год выпускают 30 молодых композиторов с дипломами о высшем образовании. Среди них много талантливых ребят. За 15 лет новой России этих выпускников набралось уже полтысячи, но где они, где их музыка? Почему мы их не знаем? Да потому, что их неправильно научили. Думаю, лет через 5 в России просто не будет серьезной музыки. Поэтому в нашем цеху никогда не наступит время «Фабрики звезд».